

Елена Свительская
Первая
улыбка Мадонны

16+

Елена Свительская
Первая улыбка Мадонны

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Свительская Е. Ю.

Первая улыбка Мадонны / Е. Ю. Свительская — «ЛитРес:
Самиздат», 2016

Их было двое: священник и вампир. Однажды в их жизнь пришла Она, даруя
возможность пойти по новому пути.

© Свительская Е. Ю., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

– Инквизиции бояться – сто лет голодным ходить! – усмехнулся дядя, вычищая грязь из-под ногтей.

– Или вообще помереть с голоду, – отец многозначительно покосился в мою сторону, – Скажи-ка, Киря, какой прощальный обряд тебе нравится?

Я угрюмо промолчал, притворившись, будто с головой ушёл в чтение. Уверен, все родственники и знакомые из другого клана, сегодня гостившие у нас, насмешливо смотрят на меня.

– Ты столько всего читаешь, что мог бы и сам всякие истории писать, – проворчал брат. С трудом сохранил волнение. Неужели, он что-то пронюхал?

– Да ну тебя, Террим, он только и может, что книги воровать из библиотеки, а потом возвращать на место! – отец, судя по голосу, хмурился, – И зачем только я тебя ввёл в нашу семью? Думал, ты будешь таким же смелым и отчаянным, как и при первой жизни, но...

Поморщился от нахлынувших воспоминаний. И зачем он опять мне напомнил?!

...Я был в первом ряду мятежников, ворвавшихся в дом жестокого правителя, украсивших пол и стены первыми красными цветами... кровавая бойня... ликование победы... После я не хотел, чтоб убили найденного малыша, внука убитого правителя: новый добрый мир не пристало строить на крови невинных. Мой верный друг зарезал и меня, и младенца... Моё тело выкинули, как помой... Если бы не второй отец, я бы не очнулся и не вкусил сладость мести...

Он для гостей перечислял все мои промахи. Увы, родственников не выбирают. Даже слабые недолговечные люди при женитьбе получают этого... как там зовут ужасного монстра, на которого они так любят жаловаться, когда ночью, шатаясь аки былинка на ветру, выходят из кабака?.. Точно, вспомнил! Тёщу!

Человеческая жизнь... поначалу я жутко тосковал по ней, а теперь вспоминаю, как зацепивший меня сон. Удивляюсь, что когда-то мне были необходимы вода, еда, свет... О, Тьма, как же давно я не видел солнца! Воспоминания о нём очень потускнели, смазались. Кажется, оно было яркое... и тёплое...

В груди, там, где когда-то билось сердце, а может, не там – уже и забыл, где именно оно находилось – что-то болезненно жалось. Мы не выносим солнце. Наверное, потому же люди убивают святых и совращают праведников: свет губителен, мучителен для тех, кто насквозь пропитан Тьмой, кто сам стал её источником.

Став ребёнком ночного светила, я совершенно разочаровался в жизни, в людях, в новых родных. Но странно, мечта об идеалах, о чём-то прекрасном долго не оставляла меня... Так что писал я свои истории о несбыточной мечте с тем же удовольствием и тоской, с которой люди сочиняют и слушают сказки...

Жажда царапнула мои внутренности. Смешно, я до сих пор испытываю пренебрежение к крови. Так же люди морщатся, ворчат при разговорах о всяких злодействах, а потом идут и втайне или же открыто совершают какую-нибудь подлость, так как без этого жить не могут. Или просто не хотят?..

Добрался до города, бесшумно побрёл около стен... Эх, никого приличного не попадает: то какие-то пьянчуги, то преступники – от первых потом несварение, а у крови вторых мерзкий привкус. И что я такой придирчивый? Мне хватит десятка глотков для нескольких лет сносного существования. Я ж не смертельно ранен, да и если выпить немного, то от нашей слюны плоть укушенных сможет быстро восстановиться. Так и люди подольше пробудут в сомнениях, а действительно ли мы существуем или просто кто-то кого-то порой зарезал в подворотне, ножом проткнул?..

Сонное бормотание города нарушил всхлип. Из-за угла выскользнула девчонка лет двенадцати-четырнадцати, нескладная, тощая, бедно одетая, да ещё и зарёванная. Она испуганно

огляделась, не заметив меня. Уныло добралась до освещённого фонарём пятна, села, прислонившись спиной к старому проржавевшему столбу, задрала подол до колен. Какой-то ночной гуляка выплыл из темноты, словно коршун из неба к курице, сверкнул, словно яростный зоркий глаз, медяк в его руке, когда он навис над жертвой.

Я с отвращением вспомнил, что обычно бывает дальше... белое пятно на дне ущелья или серое пятно под мутной водой... Малявка испуганно отодвинулась от потной руки. Стрик схватил девчонку за запястье, безжалостно рванул вверх, поволок за собой... Я не выдержал, метнулся к нему, ударил его по лицу, затем в живот, ниже, по ногам... Выместив злость на проклятом сластолюбце, достал из кармана горсть золотых и серебряных монет, которые использовал вместо шашек... Девчонка растерянно приняла подачку, спрятала в карман. Укусить бы её тощую шею. Впрочем, из неё и так много вытянули её драгоценные родственнички. Кто ж ещё мог?..

– Я буду молиться за вас! – с опозданием донеслось сзади, когда она убедилась, что я ухожу, не желая что-либо требовать за помощь.

Отчего-то улыбнулся. Странно, я же должен изнемогать от жажды! Неужели, во мне осталась что-то доброе, светлое? Или... душа моя не умерла вместе с остановкой сердца, а всего лишь окаменела, замолкла? Но я не спас эту малявку, всего лишь отодвинул неизбежное, так что гордиться тут нечем...

На следующую ночь, когда я вернулся в тот город на охоту, она нашла меня, уныло бредущего под тяжестью неприятных размышлений и яростной жажды. Выскочила из-за дерева будто бы моя проснувшаяся совесть, сунула мне какой-то остывший пирожок.

– Я больше украсть не успела: мать вернулась на кухню... вы такой бледный... кажется, вы больны... – она печально заглянула мне в глаза, – Что вас мучает? Я могу вам чем-то помочь?..

Жизнь меня мучает, малютка. От этого трудно спасти.

Проворчал:

– Ешь сама, – и оттолкнул протянутую руку с угощением.

С тех пор она изводила меня вместо совести. Так как её город был самым ближним к пещере, где обитал мой клан, я первым делом летел сюда попить крови. Но стоило мне выбрать жертву, как появлялась эта сопля. При ней нападать на людей я смущался. О, если бы она клянула у меня денег! Тогда можно б было назвать её попрошайкой, прогнать! Нет же, Сенька умело распорядилась подарком: спрятала монеты и выдавала поштучно, когда пьющий отчим слишком уж её допекал за воображаемую им бесполезность. А ко мне бегала просто, чтобы побыть рядом. Я злился, что мне не дают поесть, но несколько часов гулял по городу в её компании, выслушивая всякий бред. Она считала меня очень хорошим и любезным – такие ей прежде не попадались, потому сияла ярче луны в моём присутствии. А мне... мне почему-то хотелось, чтобы хоть кто-то в этом мире считал меня лучше, чем я есть! Странно, почему прекрасно понимая, что из себя представляю, всё же хочу, чтобы меня считали лучше?..

Отчего-то рассказал ей о своих историях и даже пересказал парочку. Она восхитилась: сопля всегда мной восхищалась – и вынудила рассказать ещё, подговорила написать в редакцию. Я смеялся до боли в животе, когда мои сказки напечатали в журнале. Моё нежелание назвать своё настоящее имя, привычка подкладывать новые истории ночью под входную дверь редакторского дома, а так же требование оставлять плату в тайном месте, прибавляли мне популярности. А плату за рассказы я отдавал своей мелкой почитательнице. Её родители решили, будто она нашла себе богатого любовника, потому позволяли шататься по городу ночью. Эх, если б я был человеком, мог прославиться ещё больше, тогда бы зарабатывал этим на жизнь. Купил бы дом и взял к себе Сеньку, растил бы как собственную дочку, а потом... может, что и вышло бы потом... Если б я был человеком...

В эту ночь дед таки дал согласие на битву за территорию с вампирами из другого клана. Меня, не смотря на мою слабость, заставили участвовать. Отец проворчал, отозвав меня перед началом:

– Может, после перестанешь валять дурака – и выпьешь кровь той мелкой девчонки, с которой гуляешь по городу.

Значит, им всё известно! Они смеются надо мной от того, что не решаюсь укусить её, хотя в последние дни сознание моё начинает меркнуть от голода, а её шея всё чаще притягивает взгляд. Они могут убить её, чтобы я начал вести себя, как и прежде! Подобные истории в разных кланах время от времени случались, хотя вампиры редко влюблялись в людей: уж слишком мы были разные...

Я судорожно сжал рукоять кинжала – у всех сражающихся было по одному – и с яростным криком налетел на младшего из вражеского клана. Его внешняя вялость скрывала под собой необычайную изворотливость и ловкость. Вскоре он распорол моё крыло, хотел ударить меня в грудь, но я не удержался в воздухе, рухнул вниз, в овраг, что меня спасло.

Пока с трудом полз по склону, выбирался из колючих зарослей – взлететь уже не мог – яростная схватка надо мной закончилась. Мы проиграли. У нас было тринадцать убитых, у них – семь. Почти все наши были ранены, у них же – на выживших ни царапины. Наша территория сузилась до одного города, Сенькиного, да шести деревень.

Приближалась разящая заря. Победители улетели, ликующе крича. Мы с трудом нашли заброшенную хижину поблизости, начали перетаскивать раненных. Я – по земле, так как сил лететь надолго не хватало, а остальные – по воздуху. Я сумел дотащить только старшего брата, когда начала светлеть кромка неба за лесом. Террим, отец вернулись к месту битвы – там осталось четверо раненных. Притащили двоих. Отец, с досадой цокнув языком, скрылся в хижине. Мы испуганно ждали в тесноте. Террим притащил третьего. И удрал за последним, с трудом вырвавшись из наших рук. Безумец! Мы молча, дрожа, ждали его. Успеет или нет? Успеет или?.. Наконец зашумели его крылья, он опустился возле домика, шумно дыша, таща раненого дядю. Мы боялись выйти, так как вот-вот уже...

Два вопля, полных боли, разорвали пение просыпающегося леса: их ударила разящая заря... Они умерли под первыми солнечными лучами, крича от жутких мук.

Мы молчали до темноты, даже не заснули ни на мгновение. Рискнули выбраться только после полуночи. Родственники начали перетаскивать раненных в нашу пещеру, стараясь не смотреть на пепел на земле. А меня, ослабшего от раны и от долгого голода, отправили на охоту. Своей крови не дали ни капли: им ещё нужны силы для спасения остальных. Я спрятал крылья, ставшие бесполезными, с трудом добрёл до города, примерно за час до новой зари. Мир поплыл...

И тут, как назло, откуда-то вынырнула зарёванная Сенька, бросилась ко мне, обняла меня, испуганно спросила, что со мной, почему на моей одежде кровь, отчего моя одежда изодрана, а всё тело в ссадинах и царапинах. У меня потемнело в глазах...

Очнулся, от прикосновения моих губ к её тёплой шее. И понял: ещё несколько мгновений – и воткну в неё клыки... Рана затянется, но дружба умрёт, едва отпущу девчонку... а убить не могу – с ней уйдёт последний мой свет, последнее существо, верившее во что-то доброе во мне, оттого будившее желание соответствовать её фантазиям... Оттолкнул малявку и сбежал... Едва добрался до городских ворот, прошёл по половине луга. Разящая заря приближалась. Последнюю сотню шагов уже полз...

У кромки леса остановился, уныло посмотрел на светлеющую кромку неба, тоскуя по солнцу, которое больше никогда не подарит мне свою нежность, по девчонке-подростку, которая всё ещё некрасива, но чем-то мне мила... Вот только нормальной жизни я ей подарить не сумею... или она сбежит от меня, узнав, или останется со мной, но я отберу у неё день, заставлю жить в чуждой ей ночи. Я не хочу кусать её и давать ей свою кровь! А умру – и она

будет долго ждать меня... и плакать... Или же мои родственники убьют её, чтобы вновь вернуть клану меня, целиком... О, как же меня мучает жажда!.. Родственники крови не дадут... следующей ночью опять вернусь в город... и если мне опять попадётся эта сопля... если... Вот тупица! И почему я удержался?!

Мне вдруг стала противна тьма внутри меня, до рвоты опротивело моё никчёмное тусклое существование. Я вышел на луг, растянулся среди цветов, всё ещё не открывших бутоны, устало начал смотреть вверх, на коварную зарю, ожидая её разящего удара. Первые лучи резанули по глазам, обожгли кожу, стали выжигать тьму внутри меня вместе с моим телом...

Прощай, моя девочка...

И жуткая, нестерпимая боль... Вопль, отчаянный, будто чужой...

Мой внутренний мрак был чужд этому нежному свету...

А потом я недоумённо очнулся, сел... и...

И увидел луг, залитый пьянящим запахом цветов и... нежными солнечными лучами...

Зрелище было так прекрасно, что поначалу не заметил какую-то странность с моими зубами... потом с потрясением понял, что клыки превратились в обычные зубы, а крылья уже не так охотно появляются по моему зову, разве что силы у меня стало намного больше... Впрочем, это всё неважно...

Я вскочил и побежал по лугу, морщась от боли в обожжённом теле, когда его касались трава или цветы. Как цветы выростали из холодного мрака земли и тянулись к свету, так и из глубины меня проклюнулось что-то новое и требовательно, умоляюще устремилось к той, что стала для меня жизненно необходимым солнцем... Остановился лишь на несколько мгновений, у ручья, припал к воде, потом помчался к городу. В груди зашевелилось, затрепеталось и бешено забилося так долго молчавшее полузабытое сердце...

Я бежал по лугу, задыхаясь от счастья. И сердце впервые за много веков билось у меня в груди. Оно делало меня усталым и счастливым, оно ликовало вместе со мной и как будто норовило разорвать меня изнутри... А солнце, полузабытое солнце, впервые после нашей долгой разлуки нежно обнимало меня и ласкало своими лучами! На краткий миг ожило что-то прежнее в памяти: и я вспомнил ласку матери и себя, когда ещё маленьким ребёнком сидел у неё на коленях: воспоминание, которое я считал безвозвратно потерянным навеки, вдруг ожило во мне и согрело меня...

Между лугом и городом, последним городом, принадлежавшим моему клану... а впрочем, теперь принадлежавшему уже не моим родственникам, а клану чуждых мне существ... Между этим душистым лугом, который, казалось, пришёл из рассказов о Рае, и между серым сумрачным городом, чем-то схожим с Адом, простиралось широкое поле голой земли. Стоило траве, как новой жизни, заполнить собой мёртвую пустоту, как приходили люди и выжигали её. И так неделю за неделей, год за годом, век за веком люди боролись с жизнью, а она упорно лезла к ним...

И я уже выскочил из душистых трав и пёстрых робких цветов, как вдруг поднялась с земли фигура в чёрном, до того не видная мне из-за длинных стеблей. Блеснул серебряный крест, одетый поверх рясы. Прежде, чем успел что-либо подумать, с воплем отшатнулся от священника. Ожидал, что сейчас проклятый коварный металл выпустит из сумрачной и ледяной равнодушной глубины яркие лучи, которыми прожжёт мою плоть до костей...

– Тебе страшно смотреть на крест? Видишь, все вы, люди, охвачены пороками и заблуждениями! – мрачно и укоризненно произнёс бледный молодой священник, грозя мне указательным пальцем, – Все люди грешны. Они знают это, но продолжают творить мерзости! Должно быть, ты, как и они, не задумываешься о том дне, когда предстанешь перед...

Отчего-то серебро никак на меня не подействовало, разве что сердце моё на целую вечность замерло. Мне показалось, что оно сейчас в испуге провалится под землю, но ничего

не случилось. Значит, я отшатнулся и вскрикнул по привычке, потому что моё тело вспомнило, как оно прежде боялось Света и металла, порождённого им.

Осмелев, я шагнул прямо на священника, да так решительно, что парень в испуге попятился. Против воли на моих губах скользнула торжествующая улыбка. Ещё недавно я был ребёнком ночи, потому пока не успел отделаться от всех чувств, которые много веков вызывали у меня дети дня, особенно, самые яркие из них.

– Если ты не оставишь меня в покое... – робко начал незнакомый человек.

Он напомнил мне крохотного котёнка, однажды встреченного в городе: слабое существо было не длиннее моей ладони, но отчаянно выгибалось пушистую спинку и шипело, пребывая в непоколебимой уверенности, что выглядит могущественным и опасным. Я тогда прошёл мимо, давая ему хотя бы ненадолго пожить с верой в себя. А вот этот парень меня раздражал.

Проворчал:

– Если ты будешь таким же заносчивым и самоуверенным, то не миновать тебе беды.

– И ты... мерзкий грешник, ты ещё смеешь меня учить?! – в глазах парня вспыхнула ярость.

– Бог тебе судья. Я же не осмелюсь тебя чему-либо учить.

Он что-то сердито вопил мне вслед, но я не прислушивался. Пересёк чёрное поле, как последнюю мрачную полосу своей жизни, как границу между жизнью и смертью – и вбежал в город. Бросился к дому Сеньки.

Её мать и младшие сёстры с братьями – целых семь пар испуганных глаза, целых семь худых заморышей в старой одежде – были дома.

– А где Сенька? – спросил я с порога.

– Кто? – спросила немолодая уже женщина, в которой теперь с трудом угадывались следы былой красоты.

– Ну... – нахмурился, вспоминая то имя девчонки, которое она назвала во вторую ночь после нашего знакомства, – Я ищу Софью.

Хозяйка грозно поднялась. Сверкнуло лезвие ножа, которым она до моего появления крошила морковку.

– Это к тебе она по ночам бегают?

– Ну...

Замялся, не зная, как ответить. С одной стороны, мы и в правду до того встречались только при свете луны и звёзд. С другой, не в том смысле, о котором подумала её мать.

– Если она однажды придёт брюхатая, то я её в речке утоплю! – женщина сердито потрясла ножом у меня под носом.

Сенькины братья и сёстры взвизгнули от страха. Ох, ещё и побьёт несчастную, когда та вернётся!

– Мы всего лишь разговариваем...

– Вот от этих-то полуночных разговоров у меня и родился её старший брат! – саркастически усмехнулась мать моей подруги.

– Кто? – осмелился пискнуть мальчишка шести лет.

– Тот, который умер прежде, чем появились вы! – сердито объяснила им мать.

– Я хочу с вами поговорить. Наедине, – многозначительно покосился на выводок детёнышей.

Ребятня медленно прошла мимо родительницы, с опаской косясь на нож, прошмыгнула мимо меня – и высыпала за дверь. Кто-то из них вернулся чуть погодя и беззвучно прикрыл дверь, забытую открытой при поспешном отступлении.

– Ты будешь о ней заботиться? – спросила женщина, устало опускаясь на лавку.

Пылко отвечаю:

– Разумеется!

– Я тебе не верю. Мужчины любят обманывать, – она нахмурилась и как будто постарела лет на десять-пятнадцать.

– Чем мне доказать вам?..

– Когда она вернётся, мы пойдём в церковь. И если ты действительно хочешь заботиться о ней, тогда женишься на ней.

Церковь... Торопливо отвернулся от матери Сеньки, чтобы она не увидела, как перекосило моё лицо от упоминания этого страшного места: тело ещё не забыло самых жутких слов, особенно того, которое ранило одним своим звучанием, и было ещё более неприятным для детей луны, чем упоминание о безжалостной разящей заре.

– Если ты уже женат или не хочешь брать в жёну мою Софью, тогда убирайся сейчас же, до её возвращения! – хозяйка поднялась и мрачно вонзила нож в столешницу, – Или я тебе убью! Клянусь, я тебя убью!

Меня поразила ненависть в её глазах. И лишь позже я понял, чего она боится: когда-то давным-давно она была молодой и глупой, доверчивой и способной любить – и осталась одна с маленьким ребёнком... Тот не перенёс тяжёлой голодной жизни... мне жаль эту женщину и я... похоже, я люблю Сеньку... но пойти в церковь... Ох, меня бросает в дрожь от одного воспоминания об этом месте! И если я вдруг осыплюсь пеплом, едва ступив на первую ступень церковной лестницы, что станет с моей Сенькой? Люди подумают, будто я дьявол, а она – соблазнённая мной девчонка. Люди расправляются с другими так же хладнокровно, как заря с нами... С теми, кем я был ещё этой ночью... Но меня так пугают те же вещи, что и прежде... Так, значит, часть Тьмы осталась во мне? Её не всю выжгли солнечные лучи?

И я был близок к тому, чтобы сбежать, даже оглянулся на входную дверь, прикидывая, сколько до неё шагов. А потом вспомнил о недавних родственниках. Они не простят моей измены. Если не смогут справиться со мной, тогда уничтожат ту, из-за которой я лёг под солнечные лучи. Ох, бедная Сенька! Я люблю тебя больше жизни, но из-за меня ты теперь можешь погибнуть! Что же я с тобой сделал?! Зачем я вообще встретился с тобой?!

Но мир не изменился, как ни молил я: опасность для единственного дорогого мне существа не исчезла в пламени Божьей милости. Да и дети ночи, полагаю, остались невредимы, всё так же отсыпались в каких-нибудь пещерах или подземельях, накапливая силы для встречи со мной. А может, они не поймут? Ну, хотя бы не сразу догадаются? Ведь они не знали, что я дерзнул встретиться с разящей зарёй! Но они помнят, кто «сделал Кирилла слабым» – и непременно придут к ней. Даже если они не поймут, что случилось со мной, они обязательно найдут Сеньку – и растерзают её. Они злые после проигрыша в битве другому клану – и непременно сорвут на ком-то злость.

Скрипнула дверь – и бледная девочка-подросток растерянно замерла на пороге. Она не узнала меня поначалу, так как прежде не видела при свете дневного светила, однако как-то догадалась потом, быстро шагнула ко мне, поймала мрачный взгляд матери, стеной вставший между нами, остановилась.

– Ну так что, ты женишься на Софье? – решительно спросила женщина, выдёргивая из столешницы нож.

Если откажусь, то она оплатит мне не только за моё предательство, но и за того, растоптавшего её собственные мечты и веру в людей. Или, ещё хуже, она выплеснет свою злость на Сеньку, когда я уйду, испугавшись.

– Ты женишься сегодня на моей Софье?!

Может быть, если я отчасти стал человеком, церковь хотя бы ненадолго подпустит меня к себе? О, как же мне этого хочется, хотя я до дрожи боюсь её! И пусть потом мне станет дурно, пусть меня вынесут наружу, едва живого от боли... лишь бы ожогов не появилось на теле! А в искажённом от муки лице и моих воплях я обвиню приступ давней болезни... Но тогда я смогу быть рядом с Сенькой, буду защищать её...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.